

Лу Минсяо купил два билета и два рожка мороженого. Один он протянул Цзян Хуайюю.

— Ешь мороженое, пока мы ждем, когда эта толпа старичков проверит свои групповые билеты. Отсканируем наши, когда они пройдут.

Цзян Хуайюю откусывал мороженое маленькими кусочками, затем поднял глаза и спросил:

— Почему это место называется Гора Большого Дикого Осла?

— Потому что здесь раньше водились дикие ослы, разумеется, — сказал Лу Минсяо как нечто само собой разумеющееся. — А еще есть Гора Слепого Медведя, Гора Большого Дикого Кабана, Гора Пятнистого Леопарда...

— Хватит, достаточно! — воскликнул Цзян Хуайюю. — У них в зоопарке ограды сломались и все звери разбежались по собственным горам? Слава богу, ты не повел меня на Гору Большого Дикого Кабана.

Лу Минсяо расхохотался:

— Молодой господин, сколько пренебрежения? На горе прекрасные виды. Мама сказала, чтобы мы накопили ей здесь немного дикой зелени — она приготовит тебе сегодня вечером пельмени с капустой...

Говоря это, он вытащил две маленькие лопатки из рюкзака «Прада» Цзян Хуайюю и протянул одну ему.

Цзян Хуайюю: — ...Что еще ты запихнул в мою сумку?

Лу Минсяо: — Несколько пластиковых пакетов для зелени.

Отсканировав билеты и войдя в экскурсионную зону, Цзян Хуайюю с изумлением наблюдал, как пожилые посетители доставали точно такие же маленькие лопатки и начинали копать и сгребать всё подряд. Лу Минсяо потянул его вверх по склону:

— Пойдем, сначала поднимемся повыше и покопаем на середине пути. Они слишком медленные.

Горная тропа была выложена грубо отесанными ступенями из натурального камня. Прохладный ветерок шелестел в листве, пока Цзян Хуайюю поднимался; его мягкие темно-каштановые волосы слегка растрепались. Не удержавшись, Лу Минсяо протянул руку и взъерошил их. На ощупь они были даже мягче, чем шерсть Хуцзы.

Цзян Хуайюй давно оставил с ним все формальности. Он бросил на Лу Минсяо резкий взгляд из-под полуопущенных век своих узких красивых глаз.

— Руки чешутся?

Лу Минсяо ничуть не смутился, взъерошив собственные волосы.

— Цзян Сяобао, какой шампунь ты используешь? Твои волосы такие мягкие. Почему мои такие жесткие? Прямо как солома.

— Может, дело в генетике? — Цзян Хуайюй сделал паузу, чтобы перевести дух, прежде чем продолжить путь. — У моего папы... твоего биологического отца... такая же структура волос, как у тебя.

— О... — Лу Минсяо на мгновение замер, прежде чем поспешил догнать его. — Ты здесь уже какое-то время. Дядя Сун, кажется, нечасто звонит тебе по видеосвязи. Он действительно так занят?

— М-м, в последнее время он очень загружен, работает над зарубежным проектом корпорации Цзян. Как только этот этап завершится, всё станет намного спокойнее... — Цзян Хуайюй замолчал. — В следующий раз, когда он позвонит по видеосвязи, можешь спросить его об этом напрямую. Или просто добавь его в Вичат — он будет в восторге от возможности поболтать с тобой.

Лу Минсяо не ответил, пнув камешек, который с грохотом покатился вниз по ступеням.

Цзян Хуайюй с любопытством посмотрел на него:

— Почему ты молчишь? Это на тебя не похоже.

— В смысле, мне нечего сказать? — Лу Минсяо усмехнулся своим словам. — Ладно, хорошо. Я просто... не знаю, о чем с ним говорить. Посмотри на себя — ты идеален во всем. Он, должно быть, обожает тебя. Ты даже можешь болтать с ним по-английски. А всё, что могу я — это спеть ему песенку про алфавит...

— Ты мог бы поговорить с ним о сборе дикой зелени, — предложил Цзян Хуайюй. — Папа — сирота. Он вырос в деревне у родственников, и когда жил под их крышей, ему часто приходилось помогать по хозяйству — копать зелень, собирать корм для свиней... Ты думаешь, он родился со знанием английского? Конечно нет! Когда он поступил в колледж, люди смеялись над его акцентом в мандаринском наречии. Каждое утро он просыпался рано, чтобы практиковать произношение на китайском и английском. Всё дело в усилиях. Кроме того...

Лу Минсяо внимательно слушал и не удержался от вопроса:

— И?

— Ты очень на него похож, и по характеру вы тоже немного схожи. — Цзян Хуайюй, устав от ходьбы, присел на ступеньку и посмотрел на него снизу вверх. — Когда я впервые увидел твое фото, я... на самом деле немного приревновал.

Лу Минсяо сел рядом с ним.

— Приревновал к тому, насколько красив твой старший брат?

— М-м-м. — Цзян Хуайюй повернул голову, чтобы посмотреть на него, его глаза внимательно изучали черты лица Лу Минсяо. — Ты же знаешь, как мальчики часто боготворят своих отцов? Иногда я неосознанно пытаюсь подражать ему, но по сравнению с вашим кровным родством мои имитации кажутся неуклюжими. Ты такой же, как он, от природы, и это заставило меня... немного ревновать.

За этими вымученными улыбками днем скрывались беспокойные ночи. Цзян Хуайюй знал, что не имеет права ревновать к Лу Минсяо. Все ресурсы, которыми он пользовался с рождения, по праву должны были принадлежать Лу Минсяо.

Но темная сторона человеческой натуры такова — чем сильнее пытаешься подавить её светом, тем буйнее она разрастается в тени.

Вот почему Цзян Хуайюй приехал сюда: чтобы увидеть место, где он должен был вырасти. Он был так рад, что принял это решение.

Подобно растению, вырванному из почвы лишь для того, чтобы быть пересаженным в переменчивые течения реки, его корни снова вцепились в землю, позволяя ему стоять твердо и расти.

Двое юношей сидели плечом к плечу на каменных ступенях горной тропы. Щеки Лу Минсяо вспыхнули под серьезным взглядом Цзян Хуайюя, а сердце необъяснимым образом пропустило пару ударов.

Этот парень, склонный нести чепуху, когда смущен, выпалил:

— Правда? Настолько? Тогда назови меня «папой», ну-ка!

Цзян Хуайюй:

Он вытащил из сумки лопатку для диких трав, решив прибить этого идиота на месте. Гора была идеальным местом, чтобы избавиться от тела.

Борьба за положение наследника всегда была настолько беспощадной.

— Да ладно тебе, Цзян Сяобао, расслабься! Шуток не понимаешь? — Лу Минсяо рассмеялся, вскакивая и преодолевая своими длинными ногами по пять-шесть ступеней за раз. — Называть друг друга «папой» — обычное дело в мужских общагах...

— Эй! Ты правда собираешься меня ударить? Братоубийство, что ли?

Он полагал, что у Цзян Хуайюя иссякнут силы через пару шагов, но Молодой Господин оказался на удивление проворным в восхождении на гору. Они гонялись друг за другом, пока сотрудник в костюме Сунь Укуна не крикнул им:

— Дети! Не балуйтесь на горной тропе!

Всегда полный достоинства молодой господин Цзян покраснел до корней волос от этого крика. Лу Минсяо, толстокожий как всегда, поприветствовал сотрудника:

— Брат Обезьяна, есть для нас какие-нибудь подарочки?

Брат Обезьяна фыркнул:

— Ах ты, наглая обезьяна! Наглец, каких поискать. Сначала покажи какой-нибудь талант. Впечатли меня, и награда твоя.

— Проще простого, — ответил Лу Минсяо. — Одолжи-ка мне на минутку свой Посох Исполнения Желаний.

Цзян Хуайюю наблюдал за тем, как этот любитель внимания взял реквизит сотрудника, пару раз взвесил его в руке, а затем прямо там, на ступенях горной тропы, начал вращать посох с поразительной грацией, даже выполнив перехват за спиной на ходу.

Стоящий рядом «Прекрасный Царь Обезьян» был ошарашен. Он быстро вытащил из кармана две маленькие безделушки и протянул их Цзян Хуайюю.

— Хватит крутить! Ты меня пугаешь! Ты меня так без работы оставишь!

Цзян Хуайюю посмотрел на две пушистые игрушки — они были в форме персиков и легкие как пушинка, вероятно, из пенопласта, обклеенного пухом, на пружинке и заколке.

Что это? Персики из Небесного Сада Бессмертия?

Уходя, Лу Минсяо спросил:

— Великий Мудрец, сколько за эту работу платят в день?

Прекрасный Царь Обезьян взглянул на него:

— Ты не подходишь. Слишком высокий. Возвращайся, когда у Князя Демонов-Быков появится вакансия.

Лу Минсяо спросил:

— А несовершеннолетние могут здесь работать?

— Категорически нет!

Прекрасный Царь Обезьян поспешил вниз по горе, боясь потерять работу, если будет медлить. Цзян Хуайюй, сжимая в руках две заколки-персика, потянулся и прикрепил одну к волосам Лу Минсяо. Маленький персик задорно покачивался на макушке «Великого Мудреца» Лу, добавляя нотку нелепости его внушительной фигуре. Другой персик Цзян Хуайюй пристегнул к лямке своего рюкзака.

На середине горы они начали собирать дикие овощи. Лу Минсяо показал Цзян Хуайюй два съедобных вида. Сидя на корточках в тени под деревьями, оба с заколками-персиками, они копались в подлеске. Пожилые туристы, проходившие мимо, не могли удержаться от любопытных взглядов.

Вскоре рюкзак «Прада» был переполнен дикой зеленью.

— Достаточно. Давай отдохнем, — сказал Лу Минсяо, доставая влажную салфетку из сумки. — Босс Цзян, ты дикие овощи копал или уголь в шахте добывал? У тебя всё лицо в земле.

Цзян Хуайюй сел на скамейку и вытер лицо. Когда он поднял голову, Лу Минсяо протянул ему миску с нарезанными фруктами.

— Поешь фруктов. Я положил туда немного колотого льда — они всё еще холодные.

Вторую половину пути они проделали на канатной дороге, поднявшись прямо на вершину горы. Там стоял небольшой храм, где Ли Цин установила миниатюрную статуэтку Будды на пагоде, молясь о благополучии Лу Чуаня. Она специально велела Лу Минсяо прийти и зажечь благовония.

Цзян Хуайюй полагал, что Лу Минсяо с его бесстрашным и мятежным характером не верит ни в богов, ни в Будд. Тем не менее, когда Лу Минсяо зажигал благовония, выражение его лица было благоговейным и серьезным. Предложив благовония, он опустился на колени на молитвенную подушку; его обычно прямая как палка спина почтительно согнулась, когда он отвечивал поклоны перед статуей.

Храмовый колокол спугнул птиц, и ряды свечей в зале отбрасывали мягкий ореол вокруг красивого профиля юноши. Его резкие черты смягчились, а когда он закрыл глаза и опустил взгляд, его ресницы казались длинными и густыми.

Стоя чуть позади и сбоку, Цзян Хуайюй наблюдал за его торжественными тремя поклонами. Поднявшись, Лу Минсяо отступил на два шага, прежде чем повернуться к Цзян Хуайюю и сказать:

— Пойдем. На стеклянную дорожку.

Вместо этого Цзян Хуайюй взял благовония, подражая действиям Лу Минсяо, и опустился на колени, чтобы вознести свои молитвы.

Тень удивления промелькнула на лице Лу Минсяо, быстро сменившись слабой улыбкой. Когда Цзян Хуайюй поднялся, они вместе вышли из зала. Лу Минсяо повернул голову, собираясь что-то сказать...

— Ты ведь не собираешься меня благодарить, верно? — произнес Цзян Хуайюй с бесстрастным лицом, хотя при ближайшем рассмотрении можно было заметить легкий румянец, подступающий к мочкам его ушей. — Они и моя семья тоже.

Лу Минсяо усмехнулся, ловко меняя тему:

— Я хотел сказать, что стеклянная дорожка вон там, Босс Цзян. Ты ведь не боишься высоты?

Цзян Хуайюй всё же выложил фото в свои «Моменты», притворяясь, что не заметил вопроса Цзян Хуайнин о том, где он находится. Пышущие жаром овощные пельмени уже были поданы на стол. Лу Дабао пошел за мисками и палочками, а Цзян Сяобао притащил табуретки — четкое разделение труда.

На следующее утро срок действия ваучера Ли Цин на «Мать на один день» истек. Прежде чем убежать на работу со своей бригадой отделочников, она ворвалась в спальню Лу Минсяо и принудительно «перезагрузила» развалившегося юношу, сунув ему в руки тетрадь с заданиями и приказав сосредоточиться на учебе. Затем она одарила Цзян Хуайюя, всё еще сонного, доброй улыбкой и сказала, что завтрак в кастрюле, после чего вихрем вылетела за дверь.

Лу Минсяо проснулся всего на две секунды, прежде чем снова провалиться в сон, но Цзян

Хуайюй уже не мог уснуть.

Больше месяца его дедушка по материнской линии не отвечал ни на одно из его сообщений — ни одно приветствие не удостоилось ответа. После того как Ли Цин ушла тем утром, Цзян Хуайюй инстинктивно проверил телефон и обнаружил сообщение от дедушки:

Скажи этому ребенку, чтобы он связался со мной.

Всего лишь эти несколько слов.

Цзян Хуайюй долго смотрел на короткое сообщение, его палец непроизвольно прокручивал вниз историю их чата. Они нечасто переписывались; большинство их бесед были видеозвонками. В тех немногих текстовых сообщениях, что у них были, старик напоминал ему одеваться теплее или брать зонтик, когда идет дождь.

Дедушка обожал его: носил на плечах в детстве, брал с собой на рыбалку на озеро, они вместе запускали змеев, он учил его ездить на велосипеде, а затем на лошади, учил садоводству...

Но теперь дедушка относился к нему как к маленькому лжецу, который украл привязанность и заботу, предназначенные для его настоящего внука.

Цзян Хуайюй не ожидал, что всё вернется на круги своя, но когда увидел, что дедушка сменил фото профиля, всё равно почувствовал укол разочарования.

Их совместное фото было заменено.

Цзян Хуайюй выключил экран телефона и натянул тонкое одеяло на голову. Одеяло было слишком прозрачным, чтобы блокировать свет, поэтому он закрыл глаза, пытаясь скрыться от яркого утреннего солнца.

После того как Лу Чуань закончил завтракать, он ушел в свою комнату заниматься поделками. Только тогда Цзян Хуайюй посмотрел на Лу Минсяо и рассказал ему о сообщении от дедушки.

Лу Минсяо, всегда проницательный, поднял бровь и спросил:

— С тех пор как ты вернулся, он вообще тебе не звонил и не писал? Единственное сообщение, которое он прислал — это просьба ко мне связаться с ним?

Цзян Хуайюй кивнул:

— Дедушка был очень встревожен. Он настаивал на том, чтобы вернуть тебя домой как можно

скорее. Еще до моего приезда сюда он несколько раз ссорился с мамой и папой. Он не хочет, чтобы ты оставался с семьей Лу, но они продолжали ему препятствовать, поэтому он до сих пор никого не прислал, чтобы забрать тебя.

— Мне не нужно его разрешение, чтобы жить там, где я хочу, — фыркнул Лу Минсяо. — Вполне естественно, что он хочет меня вернуть, но я не бессловесный младенец. Он ведь не может просто велеть кому-то похитить меня?

Цзян Хуайюй покачал головой:

— Он, вероятно, просто думает... раз у семьи Цзян такие хорошие условия, у тебя нет причин не возвращаться.

Лу Минсяо промолчал. Когда они закончили завтракать и убрали со стола, он достал пакет со льдом из холодильника и протянул его Цзян Хуайюю.

— Ты что, плакал под одеялом этим утром? У тебя глаза совсем опухли.

Цзян Хуайюй покраснел от смущения, пытаясь найти шаткое оправдание:

— Я пил воду перед сном вчера, так что, может быть, поэтому они опухли...

Лу Минсяо не стал уличать его во лжи. Сегодня была его очередь мыть посуду. Он надел цветастый фартук Ли Цин и перчатки, продолжая говорить в процессе мытья:

— Ты еще не понял? Старого господина семьи Цзян не волнуем ни ты, ни я. Его волнует только наследник семьи Цзян.

Он поставил чистую миску и продолжил:

— Если он так легко может отбросить годы привязанности к тебе, то в тот момент, когда я вернусь, он поймет, что я уступаю тебе во всем — я не тот идеальный наследник, которого он себе представлял. Он быстро сочтет меня бесполезным. Зачем мне самому напрашиваться на такие страдания? Вот почему я не собираюсь с ним связываться.

Цзян Хуайюй поджал губы, инстинктивно защищая дедушку:

— Он не такой...

— Я плохо его знаю, но сейчас это выглядит именно так, — Лу Минсяо пожал плечами. — Я свяжусь с ним снова, как только он примет тот факт, что у него два внука.

Цзян Хуайюй замер, затем потер глаза.

— Спасибо, — пробормотал он. — Тебе правда не обязательно было это делать.

— Не за что~ — Лу Минсяо убрал со стола, затем заглянул в комнату Лу Чуаня. Увидев, что дверь закрыта, он быстро сбросил фартук, схватил Цзян Хуайюя за руку и на цыпочках направился к выходу, пригнувшись с виноватым видом.

— Что ты делаешь? — прошептал Цзян Хуайюй.

— Пойдем натворим каких-нибудь дел, — прошептал Лу Минсяо.

— ...А твоё домашнее задание?

Лу Минсяо схватился за живот:

— От одного слова «задание» у меня учащается сердцебиение и дыхание становится поверхностным.

Цзян Хуайюй: ...

Ему отчаянно хотелось высмеять мелодраматичное выступление Лу Минсяо, но так как тот только что вступился за него, совесть заставила его проглотить колкость. Ему оставалось только следовать за Лу Минсяо, пока они крались к двери.

Когда они на цыпочках выходили в дверной проем, то обнаружили пару ясных собачьих глаз, уставившихся на них.

Хвост Хуцзы яростно завилял, и он издал возбужденное низкое рычание, прежде чем Лу Минсяо зажал собаке пасть ладонью.

Хуцзы: ???

Лу Минсяо прошептал в острое ухо пса:

— Хороший мальчик, Хуцзы. Веди себя тихо, и я принесу тебе что-нибудь особенное, когда вернусь.

То ли это была какая-то телепатическая связь между родственными душами, но Хуцзы дернул ушами и действительно затих, усевшись на пол с глухим стуком, при этом продолжая вилять хвостом.

Лу Минсяо и Цзян Хуайюй выскользнули из двора «тихо, как мышки».

В спальне Лу Чуань продолжал свою работу, лишь презрительно фыркнув:

— С такой-то тушей? Будто его кто-то не заметит.

Оказавшись за воротами двора, Лу Минсяо припустил как дикий конь, направляясь напрямик к дому Ли Жуя. Эти двое мгновенно договорились пойти в поход и устроить барбекю. Лу Минсяо перевел Ли Жую 300 юаней, попросив его купить готовые шашлычки. Ли Жуй не принял перевод и исчез в мгновение ока, чтобы купить мясо, пока Цзян Хуайюй и Лу Минсяо ходили за остальными ингредиентами. Они сидели в маленьком дворике Ли Жуя, нанизывая на шампуры всё, что хотели поджарить.

Перед самым уходом бабушка Ли вынесла бутылку репеллента от насекомых с цветочным ароматом и щедро опрыскала всех. Цзян Хуайюй с его нежной кожей досталось особое внимание — его обрызгали трижды, пока он не почувствовал себя так, словно его маринуют.

Одолжив два велосипеда, и имея собственный велосипед Ли Жуя, трое парней отправились в поход — вероятно, самый скромный поход в жизни молодого господина Цзяна.

Когда они проезжали мимо ремонтируемого магазина, одна из работниц высунулась и усмехнулась Ли Цин:

— Сестра Цин, этот твой обезьяненок снова где-то шатается с Ли Жуюем. Видела с ними еще одного паренька, такого светленького и чистого, настоящий красавчик.

— Он тоже мой мальчик, — ответила Ли Цин с улыбкой. — Я видела этого сорванца раньше, но не стала звать обратно. Пусть развлекаются, пока могут. Эти годы беззаботных игр не будут длиться вечно.

Рабочая решила, что Цзян Хуайюй — ребенок родственников, и спросила с усмешкой:

— Разве Сяо Сяо обычно не проводит лето, зарабатывая деньги? Он такой рассудительный мальчик. Наверное, в этом году он сделал перерыв в подработках, чтобы потусоваться с родней?

Рука Ли Цин дрогнула, и несколько капель краски упали с валика. Её глаза слегка щипало. «Если бы мой Дабао вырос в семье Цзян», — подумала она, — «ему не пришлось бы быть таким "рассудительным"». Какой ребенок захочет каждый день ломать голову над тем, как заработать денег?

— Работа курьером по поручениям определенно пойдет, — сказал Лу Минсяо, обмахивая угли в мангале и жестикулируя, указывая на пустынный пейзаж вокруг. — Посмотри на

расположение нашего Нового Кампуса — ни одного магазина в радиусе десяти миль. Только больница и несколько жилых районов, а школьный супермаркет дерет втридорога...

Ли Жуй, который весь распарился, жаря шашлычки, поморщился и скривился.

— Сяо-гэ, поблизости даже минимаркетов нет. Как ты будешь выполнять поручения? Поездка в центр города и обратно займет вечность!

Лу Минсяо усмехнулся:

— Те жареные свиные мозги всё-таки не зря на тебя потратили. Ты наконец-то начал пользоваться головой.

Он протянул жареную крахмальную сосиску Цзян Хуайюю.

— Мы могли бы закупаться в городе по выходным и хранить припасы поблизости... Мужское общежитие отпадает — там ничего не спрячешь во время проверок. Но здесь всё еще остались старые дома, которые еще не снесли. Мы могли бы арендовать небольшой склад.

Цзян Хуайюю подул на сосиску, осторожно откусил и невнятно пробормотал:

— Арендовать?

— Не обязательно арендовать. Брат Хао... ну, тот Старший Брат, которого мы встретили в бане в прошлый раз? У его семьи есть старый дом под снос как раз в этом районе. Думаю, он позволит нам пользоваться им бесплатно.

Лу Минсяо размышлял:

— Я думаю, мы могли бы продержаться так полсеместра. Как только наша школа переедет сюда, подтянутся и другие заведения, и мы всё равно успеем получить прибыль за эти месяцы.

— Сяо-гэ... — Ли Жуй почесал затылок. — Твоей семье всё еще нужны деньги? Тебе не надоело изучать всё это каждый божий день?

— Надоело? Выяснить, как заработать деньги, куда веселее, чем учиться! — Лу Минсяо протянул шашлычок Цзян Хуайюю. — Босс Цзян, не ешь одни только сосиски.

Цзян Хуайюю убрал руку от сосисок и принял мясной шашлычок.

В середине процесса жарки Ли Жую позвонили и сказали, что он срочно нужен дедушке. Он

вскочил на велосипед и уехал, оставив Лу Минсяо и Цзян Хуайюя одних у маленького мангала.

Цзян Хуайюй умело жарил шашлычки. Дома, в семье Цзян, они часто устраивали барбекю на лужайке, так что он был вполне искусен в этом деле. Тень под деревьями сохраняла приятную температуру, а стеклянная стена недавно построенного учебного корпуса отражала ореол света в лучах послеполуденного солнца.

— Не забрасывай учебу, — сказал Цзян Хуайюй. — Тебе когда-нибудь придется возглавить семью Цзян, управлять огромным конгломератом. Полагаться только на мелкие уловки и арбитраж не получится.

Лу Минсяо лежал, растянувшись на коврике для пикника, подняв руку и глядя сквозь пальцы на солнечный свет, пробивающийся сквозь листву.

— Но ведь ты тоже здесь, — сказал он. — Как я уже говорил, я просто жду дивидендов.

Цзян Хуайюй нахмурился:

— Мы только что вместе всё подсчитали. Ежемесячная прибыль в две-три тысячи юаней — какой в этом смысл?

Лу Минсяо поднял бровь:

— Никакого смысла?

Он сел, на его губах заиграла ленивая улыбка, но тепло в глазах угасало.

— Две или три тысячи юаней, может, и не значат для тебя много. Сколько стоил тот рюкзак, с которым ты собирал дикую зелень? Семь или восемь тысяч?

Лицо Цзян Хуайюя окаменело.

— Я не это имел в виду.

— Когда мне было десять, состояние папы внезапно ухудшилось. Нам не хватало всего двух тысяч юаней на операцию. Мама потратила почти час, обзванивая каждого родственника и друга, умоляя сквозь слезы, прежде чем ей наконец удалось занять деньги. — Лу Минсяо тихо вздохнул, потирая переносицу. — Извини, я сорвался. Я знаю, что ты не хотел ничего плохого. Но с того самого дня я до смерти боюсь остаться без гроша.

— Лу Минсяо... — Цзян Хуайюй крепко сжал контейнер с приправами. — Это я должен

извиняться. Я был слишком самонадеян сейчас.

Лу Минсяо усмехнулся:

— Ладно, мы что, играем в «взаимные извинения»? Я знаю, что ты хотел как лучше, но я правда не могу сосредоточиться...

Он пододвинулся ближе, потом еще ближе.

— Но если серьезно, раз уж ты рядом, ты ведь не воспользуешься тем, что я такой тупица, который ничего не смыслит, верно? Ты ведь не монополизируешь в итоге семейное состояние и не вышвырнешь меня спать под мост?

«Кто еще будет спать под мостом — это еще бабушка надвое сказала», — подумал про себя Цзян Хуайюй.

Судя по нынешнему отношению его дедушки, Цзян Хуайюй полагал, что в конечном итоге он, скорее всего, будет работать на Лу Минсяо.

Он давно оставил всякие фантазии о наследовании семейного состояния. По крайней мере, работа в корпорации Цзян была бы возможностью, за которую убили бы бесчисленные выпускники престижных университетов. Пока он мог оставаться с семьей Цзян, рядом с родителями, работа на бестолкового Молодого Господина Лу была лучшим исходом, который он мог себе представить.

— Просто ешь свои шашлыки, — сказал Цзян Хуайюй, впихивая ему в руку кусок мяса. — Не будешь ты спать ни под какими мостами. Ты же зарабатываешь по две-три тысячи в месяц.

<http://bllate.org/book/14891/1621328>